

УДК 94 (571.53)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.38>

Особенности положения губернаторов в Сибири в XIX в. (на примере Иркутской губернии)

А. Л. Никифоров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Анализу подвергается понятие статуса губернатора. Выявляются сходства и различия в объеме и характере полномочий губернаторов Иркутской губернии и Европейской России, формальных и неформальных способах взаимодействия их с вышестоящими должностными лицами. На основе опубликованных источников и исторических исследований делается вывод о том, что формат руководителя Иркутской губернии существенно отличался от стандартного формата губернаторской должности XIX в.

Ключевые слова: история государственного управления, гражданские и военные губернаторы, Сибирь, Иркутская губерния, восточносибирские губернаторы.

Для цитирования: Никифоров А. Л. Особенности положения губернаторов в Сибири в XIX в. (на примере Иркутской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 37. С. 38–46. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.38>

Почти на всем протяжении существования Российской империи ключевой фигурой в ее системе местного управления выступал губернатор. Сущность этой должности, а также права и обязанности, которые она в себе заключала, менялись в течение XVIII в., но в начале XIX столетия институт губернаторства приобрел законченный вид и губернатор получил более или менее определенный круг полномочий. В XIX в. губернская система управления распространялась не только на центральные территории империи, но и на большинство ее окраин, в том числе и Сибирь. Тем не менее представляется очевидным, что главы отдаленных от центра сибирских губерний и главы губерний Европейской России не могли не иметь между собой определенных формальных и неформальных различий. Цель данного исследования – выявить эти отличия и рассмотреть причины их возникновения.

Сама тема губернаторства в Российской империи привлекала внимание исследователей еще на дореволюционном этапе отечественной историографии. Среди всех работ этого периода особняком стоят труды двух выдающихся государствоведов – И. А. Блинова и А. Д. Градовского. И. А. Блинов является автором обстоятельного историко-юридического очерка «Губернаторы» [2], а А. Д. Градовский посвятил губернаторам третий том своей книги «Начала русского государственного права» [5].

Интерес к фигуре губернатора резко возрос на постсоветском этапе развития исторической науки. Наряду с исследованиями, рассматривающими институт губернаторства в Российской империи в целом (к которым

можно отнести монографии Л. М. Лысенко [11] и Г. В. Алексушина [1]), появилось множество работ, ставящих своей целью более подробный анализ специфики местного управления в конкретных регионах. Внушительный вклад в изучение истории губернаторской власти в сибирских губерниях (и в том числе Иркутской) внесли такие исследователи, как А. В. Ремнев [14], Л. М. Дамешек [7; 8], И. Л. Дамешек [6; 7], Н. П. Матханова [8; 12], А. Н. Гаращенко [3; 4]. Однако в большинстве этих трудов губернатору как носителю статуса внимания не уделялось. В основном исследования последних лет посвящены анализу системы местного управления в Сибири в целом либо статуса должностных лиц, обладавших сходным с губернаторским набором функций и полномочий, или деятельности органов управления. Все вышесказанное актуализирует необходимость изучения особенностей функционирования института губернаторства в Сибирском регионе.

В ходе данного исследования нами были использованы две группы исторических источников: законодательные акты и источники личного происхождения. К первой относятся такие документы, как Наказ губернаторам 1853 г.¹ и Сибирское учреждение 1822 г.², которые позволяют более детально проанализировать юридическое оформление власти руководителей центральных и сибирских губерний и выделить в этом механизме общее и особенное. Что же касается неформальных аспектов положения сибирских администраторов, то сведения о них можно почерпнуть из богатого мемуарного наследия Иркутска: в частности, воспоминаний И. Т. Калашникова [10], Б. А. Милютина [13].

В конце XVIII – начале XIX в. принципиальных отличий между губернаторами российских и сибирских губерний не имелось: все они управляли вверенными им территориями по единым принципам – в соответствии с Учреждением о губерниях 1775 г. Их положение было общим не только в правовом, но и в административном отношении, поскольку при Екатерине II сложился универсальный порядок административно-территориального устройства: несколько соседних губерний или областей соединялись в наместничество во главе с генерал-губернатором и правителем наместничества [11, с. 52]. В Восточной Сибири в 1783–1796 гг. существовало Иркутское наместничество, организованное на тех же началах, что и все прочие наместничества Российской империи.

Однако уже при Павле I ситуация несколько меняется. В декабре 1796 г. новый император упраздняет наместничества, возвращая губернский порядок управления. Павел не ликвидировал институт генерал-губернаторов как таковой, но в Сибири он отменялся, что опять же сближало порядок управления зауральскими губерниями – Тобольской и Иркутской – с общероссийским стандартом. Впрочем, порядок этот сохранялся очень недолго, поскольку уже в 1803 г. Александр I восстанавливает Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске³. В первой четверти XIX в. генерал-

¹ ПСЗ-II. Т. 12. № 10303 – Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам.

² Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб. : Сенат. тип., 1822.

³ ПСЗ-I. Т. 27. № 20771.

губернаторы вновь стали назначаться в различные части государства, а уже при следующем законодателе, Николае I, окончательно оформляется система, при которой генерал-губернаторства сохраняются как институт особого порядка управления на окраинах, к которым, как мы видим, власть причисляла и Сибирь. В центральной же части России, если не считать особых генерал-губернаторств в Москве и Санкт-Петербурге, к 1830-м гг. не осталось ни одного генерал-губернатора [9, с. 16]. Соответственно, механизм управления центральными и сибирскими губерний стал заметно отличаться: в одних действовала двухзвенная вертикаль власти (император и министерства – губернаторы), а в других – трехзвенная (император и министерства – генерал-губернаторы – губернаторы). Таким образом, в Сибири губернаторы превращались из главных представителей центральной власти во второстепенных управленцев.

Однако возникшие отличия заключались не только в понижении формального статуса, но и в существенном сокращении самостоятельности сибирских губернаторов. Хотя после министерской реформы 1802 г., когда все губернаторы были переподчинены Министерству внутренних дел и произошло общее понижение статуса губернатора в иерархии имперской власти [8, с. 292], положение военных и гражданских губернаторов в Сибири было осложнено тем, что часть их функций была фактически передана генерал-губернаторам. Усугублялась ситуация отсутствием разграничений между полномочиями генерал-губернаторов и губернаторов. Однако даже последующая регламентация, проведенная Николаем I (Наказ губернаторам 1837 г. и Инструкция генерал-губернаторам 1853 г.), не внесла должной ясности в характер взаимоотношений этих двух должностных лиц. Компетенции генерал-губернаторов и губернаторов дублировались, и единственным различием было то, что в Наказе был дан конкретный перечень обязанностей⁴, а Инструкция представляла собой скорее совокупность рекомендаций общего характера⁵. Такое положение создавало довольно запутанную систему разграничения властных полномочий на местах, вело к частым конфликтам и противоречиям между губернаторами и генерал-губернаторами. Однотипность и повторяемость таких инцидентов внутри местной администрации подтверждали, что их причина была не в людях, а крылась в самой системе управления [7, с. 225].

То есть, если по отношению к губернаторам Европейской России первой половины XIX в. мы действительно можем применить определение «хозяин губернии»⁶, которую давал им в Наказе законодатель, то касательно сибирских губернаторов такая характеристика выглядит не вполне справедливой, поскольку у них имелся могущественный «конкурент» – генерал-губернатор, так или иначе стремящийся подчинить их своей власти.

⁴ ПСЗ-II. Т. 12. № 10303.

⁵ Там же. Т. 28. № 27293.

⁶ Там же. Т. 12. № 10303.

По замечанию Н. П. Матхановой, неясность в разграничении полномочий и функций губернаторов и генерал-губернаторов вела к превращению последних «либо в чисто номинальную фигуру, либо в единоличного хозяина обширного края» [12]. В Иркутской губернии первой половины XIX в. мы можем наблюдать оба этих варианта развития событий. Поскольку в тот период не было официальных документов, хоть как-то определяющих порядок взаимодействия губернаторов и генерал-губернатора, то огромную роль здесь играл характер личных отношений этих должностных лиц. Именно от личных качеств местных администраторов во многом зависел реальный статус губернаторов.

Первый вариант развития событий – превращение губернатора в полновластного владыку в своем регионе при отсутствии влияния со стороны генерал-губернатора – мы можем увидеть на примере иркутского губернатора Н. И. Трескина (1806–1819). Как известно, сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель, также назначенный на должность в 1806 г., не пробыв и года в Сибири, вернулся в Петербург, где и проживал до самой своей отставки в 1819 г., ни разу больше не появившись лично во вверенном ему крае. В результате вся реальная власть сосредоточилась в руках иркутского губернатора. По воспоминаниям И. Т. Калашникова, служившего в те годы в Иркутске, фактически в Сибири было «два генерал-губернатора»: Пестель в Петербурге и Трескин – в Иркутске, причем последний, будучи действительным хозяином края, мог руководить действиями самого сибирского генерал-губернатора [10, с. 291]. Такая точка зрения мемуариста во многом подтверждается историческими исследованиями. В частности, А. Н. Гарашенко утверждает, что хоть Н. И. Трескин и был главным проводником политики И. Б. Пестеля и его единомышленником [4, с. 198], но управлял Сибирью он все-таки самостоятельно [3, с. 123; 6, с. 206].

Совершенно иную картину мы можем наблюдать в правление знаменитого восточносибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского (1849–1861). Обратимся к воспоминаниям Б. А. Милютин, служившего в Иркутске в 1859–1861 гг. чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Автор дает весьма интересную характеристику иркутскому гражданскому губернатору К. К. Венцелю (1851–1859), «руководство» которого ему удалось застать. Милютин пишет о том, как Венцель заявил в ответ на некую его просьбу, что не может делать никаких распоряжений без согласия генерал-губернатора Муравьева [13, с. 322]. Помимо этого, Б. А. Милютин отмечал, что губернатор был «добрейший от природы человек и слабейший до невероятности характером» и что слабостью этой охотно пользовались окружающие [Там же, с. 334]. Н. Н. Муравьев был, безусловно, сильной личностью и харизматическим лидером, так что видится вполне объяснимым, что мягкий и пассивный губернатор не стремился перечить генерал-губернатору и предпочитал быть послушным орудием в его руках.

Еще одним важным отличием сибирских губернаторов от их российских «коллег», помимо необходимости выстраивать отношения с генерал-губернаторами, было также наличие особенных полномочий, обусловлен-

ных чисто сибирской спецификой местного управления. Появление этих дополнительных функций было связано с установлением в сибирских губерниях Сибирского учреждения, принятого по инициативе генерал-губернатора М. М. Сперанского в 1822 г. По задумке реформатора, новые уставы и положения должны были более подробно регламентировать те стороны сибирской действительности, которые наиболее полно отражали ее геополитические, социальные и этнические особенности. Кроме того, Сперанский стремился к ограничению единовластия отдельных должностных лиц, в том числе и на губернаторском уровне [6, с. 31].

Законодательные акты, принятые по реформе Сперанского, не отменяли, но дополняли правовые основы деятельности губернаторов западно- и восточносибирских губерний. То есть они опирались одновременно и на общероссийский Наказ 1837 г., и на положения, введенные М. М. Сперанским исключительно для Сибири.

Формально власть на уровне губерний, согласно Учреждению, переходила к Губернскому управлению, которое состояло из гражданского губернатора и Губернского совета⁷. Однако на деле уже к середине XIX в. губернские советы постигает та же судьба, что и советы Главного управления, – они не играли сколь-либо значительной роли в принятии решений, превратившись в своего рода канцелярии при губернаторах [12, с. 37]. Впрочем, даже в таком виде губернские советы продолжали «мешать» губернатору, загружая его большим объемом бумажной работы, что вело к снижению реального участия этого должностного лица в делах губернии [14, с. 125–126]. В губерниях Европейской России эта система была более простой: губернатор был непосредственным главой губернского правления и контролировал все его отделения, а никаких советов при нем, конечно, не было. Таким образом, видно, что с точки зрения реальных полномочий должность губернатора в Сибири и должность губернатора в центральной части империи существенно различались между собой.

На специфику деятельности губернаторов влияли и социально-экономические особенности края. Сибирское учреждение 1822 г. добавляло к обязанностям сибирских губернаторов следующие задачи: надзор за ссыльными и контроль над процессом этапирования осужденных к местам заключения⁸; надзор за деятельностью инородческих органов самоуправления, назначение и отстранение должностных лиц этих органов (в случае обнаружения злоупотреблений)⁹.

Наконец, последним заметным процессом, внесшим отличия в статус губернаторов Европейской России и Сибири, стали Великие реформы 1860–1870-х гг. В Сибири в действие была приведена лишь городская реформа 1870 г., в то время как земская и судебная реформы 1864 г. на сибирские губернии не распространялись. Соответственно, вновь можно увидеть двоякую картину: в центральных губерниях из ведения губернаторов был изъят

⁷ Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб. : Сенат. тип., 1822. С. 24.

⁸ Там же. С. 246–248.

⁹ Там же. С. 45–46.

ряд хозяйственно-экономических и социальных вопросов, переданных земствам, а также была значительно снижена степень влияния на судебную систему; в Сибири же характер управления оставался практически неизменным.

В Иркутской губернии как в местности, где не были введены новые судебные учреждения, за губернаторами было сохранено право утверждения некоторых приговоров судебных палат, в частности по делам о «выпадении» из православия в другие религии, а также по делам о должностных преступлениях [5, с. 265].

Продолжили свое существование в губернии старые учреждения, занимавшиеся вопросами образования, здравоохранения, благоустройства, развития инфраструктуры. Одним из таких органов являлся Приказ общественного призрения, действовавший в губернии вплоть до Февральской революции. Тем не менее полномочия губернатора по отношению к приказу все же претерпели некоторые изменения. Так, по части заведования кредитами Приказ общественного призрения не зависел более от губернатора, последний мог лишь содействовать ему в ряде аспектов, например во взыскании платежей по ссудам [5, с. 256]. В остальном же сибирские губернаторы сохранили свои основные полномочия в той сфере, которая в Европейской России почти полностью отводилась земским учреждениям.

Некоторое сближение двух форматов губернаторской должности происходит в результате «контрреформ» 1880-х гг. Одной из общих черт стало, к примеру, усиление степени вмешательства губернаторов в судебную систему, так как губернатор был поставлен во главе губернских присутствий – органов, являвшихся кассационными инстанциями по отношению к съездам земских (или крестьянских) начальников [2, с. 252]. В то же время отсутствие земств в Сибири по-прежнему делало должность губернаторов сибирских губерний специфическим типом данного политического института.

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. наблюдается ряд отличий в статусе, объеме власти и перечне функций губернаторов сибирских губерний, в том числе и Иркутской, и руководителей губерний центральной части России. Данные особенности можно сгруппировать по трем аспектам: наличие в Сибири генерал-губернаторской власти; дополнительные специфические функции сибирских губернаторов, введенные Сибирским учреждением М. М. Сперанского и другими законодательными актами; сохранение за сибирскими губернаторами полномочий, которые в Европейской России были переданы другим учреждениям в связи с реформами 1860-х гг.

Сохранение должности генерал-губернатора в Сибири и отсутствие четко очерченных границ его власти делало положение здешних губернаторов нестабильным, зависящим от частных обстоятельств. В первой половине XIX в. это приводило к тому, что губернаторы могли концентрировать в своих руках весь объем власти, подменяя генерал-губернаторов, как Н. И. Трескин при И. Б. Пестеле, или же быть номинальными фигурами, как К. К. Венцель при Н. Н. Муравьеве. У сибирских губернаторов имелись полномочия, обусловленные специфическими потребностями края, в частности, касающиеся организации уголовной и политической ссылки и надзо-

ра за самоуправлением инородцев. Также руководители сибирских губерний, в отличие от губернаторов в Европейской России, сохранили за собой ряд хозяйственно-административных и надзорных функций после судебной и земской реформ.

Список литературы

1. *Алексушин Г. В.* История губернаторской власти в России. Самара : Ретроспектива, 2006. 202 с.
2. *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб. : Тип.-лит. К. Л. Пентковского, 1905. 366 с.
3. *Гаращенко А. Н.* Законодательная база взаимоотношения генерал-губернаторов и гражданских губернаторов и особенности ее действия в Восточной Сибири в период от «Учреждения для управления губерний Российской империи» (1775 г.) до середины XIX в. // Известия лаборатории древних технологий. Т. 14, № 1. 2018. С. 118–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-baza-vzaimootnosheniy-general-gubernatorov-i-grazhdanskih-gubernatorov-i-osobennosti-ee-deystviya-v-vostochnoy-sibiri-v> (дата обращения: 04.03.2021).
4. *Гаращенко А. Н.* Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск : Земля Иркутская : Оттиск, 2014. 400 с.
5. *Градовский А. Д.* Собрание сочинений А. Д. Градовского. В 9 т. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного самоуправления. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. VI, 599 с.
6. *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* М. М. Сперанский в Иркутске 1819–1821. Иркутск : Оттиск, 2016. 48 с.
7. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П.* Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск : Оттиск, 2020. 340 с.
8. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018. 416 с.
9. *Злобин Ю. П.* Военно-административные образования в структуре управления Российской империей в XIX – начале XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2019. Т. 1, № 1. С. 14–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-administrativnye-obrazovaniya-v-strukture-upravleniya-rossiyskoy-imperiy-v-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 04.03.2021).
10. *Калашиников И. Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеева. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 255–448.
11. *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Изд-во МГПУ, 2001. 358 с.
12. *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. 250 с.
13. *Милотин Б. А.* Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 317–364.
14. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX – начале XX в. Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1997. 253 с.

Features of the Position of Governors in Siberia in the 19th Century (on the Example of Irkutsk Governorate)

A. L. Nikiforov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the comparison of the status of the governor in Siberia and European Russia. The similarities and differences are revealed between Irkutsk governors and governors of the central part of the Russian Empire in terms of the volume and nature of powers, formal and informal ways of interaction with higher officials. Based on published sources and historical research, it is concluded that the position of the chiefs of the Irkutsk governorate differed significantly from the standard version of the governor's office of the 19th century.

Keywords: history of public administration, civil and military governors, Siberia, Irkutsk governorate, East Siberian governors general.

For citation: Nikiforov A.L. Features of the Position of Governors in Siberia in the 19th Century (on the Example of Irkutsk Governorate). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 37, pp. 38-46. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.38> (in Russian)

References

1. Aleksushin G.V. *Istoriya gubernatorskoj vlasti v Rossii* [History of the governor's power in Russia]. Samara, Retrospektiva Publ., 2006, 202 p. (in Russian)
2. Blinov I.A. *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskij ocherk* [Governors. A historical and juridical essay]. Saint Petersburg, 1905, 366 p. (in Russian)
3. Garashchenko A.N. *Zakonodatelnaya baza vzaimootnosheniya general-gubernatorov i grazhdanskikh gubernatorov i osobennosti ee dejstviya v Vostochnoj Sibiri v period ot "Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij Rossijskoj imperii" (1775 g.) do serediny XIX v.* [The legislative base of the relationship between governors-general and civil governors and the peculiarities of its operation in Eastern Siberia in the period from the "Institution for the administration of the provinces of the Russian Empire" (1775) to the middle of the XIX century]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij* [Bulletin of the laboratories of ancient technologies], 2018, vol. 14, no. 1, pp. 118-128. (in Russian)
4. Garashchenko A.N. *Treskin i Cejdljer – irkutskie gubernatory grazhdanskoe i gubernatory pervoj poloviny XIX v.* [Treskin and Zeidler – Irkutsk civil governors of the first half of the 19th century]. Irkutsk, Zemlya Irkutskaya Publ., Ottisk Publ., 2014, 400 p. (in Russian)
5. Gradovskij A.D. *Sobranie sochinenij A.D. Gradovskogo. V 9 t. T. 9: Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. P. 3: Organy mestnogo samoupravleniya* [Collected works of A.D. Gradovsky. In 9 vols. Vol. 9: The beginnings of Russian state law. Part 3: Local governments]. Saint Petersburg, 1908, VI, 599 p. (in Russian)
6. Dameshek I.L., Dameshek L.M. *M.M. Speranskij v Irkutske 1819-1821* [M.M. Speransky in Irkutsk 1819-1821]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 48 p. (in Russian)
7. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Mathanova N.P. *"Glavnye blyustiteli neprikosновенности verhovnyh prav samodержaviya i polzy gosudarstva": M. M. Speranskij, N. N. Murav'ev-Amurskij i druzgei sibirskie general-gubernatory* ["The main guardians of the inviolability of the supreme rights of autocracy and the benefits of the state": M.M. Speransky, N.N. Muravyov-Amursky and other Siberian governors general]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 340 p. (in Russian)
8. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (1822-1917 gg.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (1822-1917)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 416 p. (in Russian)
9. Zlobin Y.P. *Voenno-administrativnye obrazovaniya v strukture upravleniya Rossijskoj imperiej v XIX – nachale XX veka* [Military administrative formations in the governance

structure of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the RAS], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 14-21. (in Russian)

10. Kalashnikov I.T. Zapiski irkutskogo zhitelya [Notes of an Irkutsk resident]. *Zapiski irkutskih zhitelej* [Notes of Irkutsk residents]. Irkutsk, East Siberian Book Publ., 1990, pp. 255-448. (in Russian)

11. Lysenko L.M. *Gubernatory i general-gubernatory Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and Governor Generals of the Russian Empire (18th – early 20th century)]. Moscow, MGPU Publ., 2001, 358 p. (in Russian)

12. Mathanova N.P. *Vysshaya administraciya vostochnoj Sibiri v seredine XIX v.: problemy socialnoj stratifikacii* [Higher administration of eastern Siberia in the middle of the XIX century: problems of social stratification]. Novosibirsk, Sibirskij Hronograf Publ., 2002, 250 p. (in Russian)

13. Milyutin B.A. General-gubernatorstvo N.N. Murav'eva v Sibiri (Otryvok iz vospominanij) [N.N. Muravyov's general-governorship in Siberia (Excerpt from memoirs)]. *Istoricheskij vestnik* [Historical bulletin], 1888, vol. 34., pp. 317-364. (in Russian)

14. Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir. Administrativnaya politika vo vtoroj polovine XIX – nachala XX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the second half of the 19th – early 20th century]. Omsk, Omsk Stat University Publ., 1997, 253 p. (in Russian)

Никифоров Александр Леонидович
магистрант, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: Alex-Nikifor97@yandex.ru

Nikiforov Alexander Leonidovich
Postgraduate, Department of History
of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: Alex-Nikifor97@yandex.ru